

УДК 81.1; 008:361
DOI: 10.17223/22220836/33/4

Д.И. Иванов

СПЕЦИФИКА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ А. БАШЛАЧЕВА: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данной статье в рамках авторской лингвокультурологической теории моделирования когнитивно-прагматических программ (КПП) проводится системный, комплексный анализ русской национально-специфической КПП А. Башлачева «Истинный национальный поэт». В ходе исследования установлено: а) КПП состоит из четырех взаимосвязанных когнитивных подсистем (целевой, самоидентификационной, инструментальной, оценочно-результативной); б) КПП А. Башлачева моделируется на базе русской рок-культуры и поэтической культуры XIX–XX вв. и имеет особую иррационально-«корневую» природу, основанную на принципах национального «естества». Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на творчество А. Башлачева и открыть новые грани его личности.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая программа, когнитивно-прагматическая установка, ментальность, А. Башлачев.

Одним из наиболее актуальных вопросов, пронизывающих всю антропоцентрическую парадигму современного гуманитарного знания, включая лингвистику, литературоведение, лингвокультурологию, психологию, социологию и теорию культуры (культурологию как особую науку интегративного типа), является проблема понимания когнитивной сущности глубинных процессов взаимодействия / взаимовлияния ментальности (субъекта ментальности – когнитивно развитой личности (субъекта-источника – субъекта-интерпретатора)) и синтетического (полисемиотического, полидискурсивного) текста культуры, «в рамках которых происходят взаимопереходы содержания культуры в содержание ментальности и содержания ментальности в содержание культуры» [1. С. 78].

На наш взгляд, для продуктивного решения данной проблемы необходимо использовать комплексную метадисциплинарную («преодолевающую») искусственно созданные рамки частных научных методик и дисциплин) культурологическую теорию, базирующуюся на синтезе когнитивистики, семиотики, лингвокультурологии и теории культуры. Данную методологию, стержнем которой является «семиотически, антропоцентрически понимаемый язык, воплощенный в компетенциях социального субъекта и дискурсивно выраженный через языковую (семиотическую, дискурсивную) личность» [2. С. 108], мы предлагаем называть *когнитивной гуманитарной семиотикой* [3. С. 94].

Заметим, что на сегодняшний день в рамках данного направления уже разработано несколько теорий синтетического типа: а) *теория субъектности текста* [4]; б) *теория синтетической языковой личности* (СЯЛ) [5, 6]; в) *теория моделирования когнитивно-прагматических программ* (КПП) [2. С. 107–111]. Причем все они генетически связаны между собой и характери-

зуются достаточно высоким уровнем функциональности. Связь и широта операционального диапазона этих теорий обусловлены тем, что в их основе лежит специфическое понятие «когнитивно-прагматическая программа», «выступающее в качестве ментально-когнитивной связки между сознанием, мышлением и интеллектом человека; позволяющее проводить системный структурный, когнитивный, концептуально-семантический анализ языкового и коммуникативного (индивидуального / коллективного (массового)) сознания; позволяющее охватить все сферы актуализации когнитивно-прагматических интенций: а) на уровне отдельной личности; б) на уровне массового сознания; в) на уровне различных текстуальных форм, образованных на базе всех известных знаковых систем (вербальной, музыкальной, кинетической, визуальной и т.д.)» [2. С. 108].

Отдельно необходимо сказать о том, что КПП имеет сложную структуру, которая базируется на принципах системной организации; иерархичности; целостности; гармонизации когнитивных подсистем; структурной унификации и полидискурсивного / полисемиотического моделирования; полисубъектной организации [7. С. 97]. Мы полагаем, что КПП состоит из четырех основных, последовательно формирующихся подсистем специфических когнитивно-прагматических установок (КПУ): «а) подсистемы целевых КПУ; 2) подсистемы самоидентификационных (ролевых) КПУ; 3) подсистемы инструментальных КПУ; 4) подсистемы оценочно-результативных КПУ. Причем целевая когнитивная подсистема может считаться системообразующей» [Там же. С. 98–99].

Кроме того, в настоящее время нами ведется разработка типологии КПП, на основе которой можно построить своеобразную матрицу всей субъективированной реальности, каждая зона которой будет соотнесена с одним / несколькими типами КПП. Назовем основные типы КПП: «а) метанарративные (универсальные) КПП; б) производные КПП; в) отраслевые КПП (научные, религиозные, художественные и т.д.); г) профильные КПП (литературные, музыкальные, гуманитарные, естественнонаучные и т.д.); д) ролевые КПП (КПП либерала, КПП демократа, КПП ученого и т.д.); ж) имиджевые КПП (имиджевая КПП политика, музыканта, поэта и т.д.); з) национально-специфические КПП (мононациональная (японская, русская, китайская); полинациональная (синтетическая) КПП (англо-американская, русско-китайская))» [Там же].

С уверенностью можно говорить о том, что национально-специфические КПП (НС КПП) (*коллективные / индивидуальные ментально-когнитивные системы сознания, состоящие из специфических функциональных единиц, концептуальных кодов разных типов и форм (образов, представлений, установок (целевых, самоидентификационных, инструментальных и оценочно-результативных)) и ментальных операций, синтезирующих в себе сознательные и бессознательные интенции личности*), занимают особое место в предложенной типологии.

Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, НС КПП, в основе которой лежит понятие «ментальность» («общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, создающая картину мира и скрепляющая единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [1. С. 88]), является фундаментом процесса актуализации

(формирования / трансформации) базовых идеологических платформ (целевых, самоидентификационных и др.) коллективных / индивидуальных субъектных модальностей разных типов (субъект-источник – субъект-интерпретатор). Во-вторых – ментальная природа НС КПП, формируемая «на основе социально обусловленных компонентов (социального опыта, здравого смысла, интересов, эмоциональной впечатлительности), раскрывая представления человека о мире, проявляя привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны» [1. С. 89], проявляется в процессе моделирования КПП всех типов.

Отметим, что в условиях кардинальных изменений, сопровождающихся «сменой фундаментальных мировоззренческих представлений» [Там же], которые мы наблюдаем в современной России, предельную актуализацию получает вопрос о специфике русской НС КПП. Исходя из этого, в рамках данного материала мы рассмотрим общие вопросы моделирования КПП А. Башлачева, которая в пространстве русской культуры XX в. получает статус НС КПП *«Истинный национальный (русский) поэт»*: «В контексте русской культуры башлачевский “текст смерти” укладывается в модель, которую можно обозначить как “текст смерти Поэта”. Башлачев в сознании аудитории устойчиво обозначается как Поэт. И в русской рок-культуре он единственный, кто и реализовал миф о жизни и гибели Поэта в соответствии с мифологической традицией, и привнес в него новые смыслы» [8. С. 33].

Однако прежде чем переходить непосредственно к анализу КПП А. Башлачева, необходимо отметить, что русская НС КПП имеет одну ключевую особенность. На наш взгляд, основной, сущностной характеристикой русской НС КПП является своеобразная двойственность, определяющая её диалектическую (антонимическую) природу, в основе которой лежит принцип единства и борьбы противоположных начал. Причем дистанция между гармонией и хаосом, любовью и ненавистью, божественным (духовным) и бесовским иллюзорна. За каждой конструктивной категорией, доведенной, как правило, до «крайности» и актуализированной в пространстве когнитивного сознания любого носителя русской НС КПП, просматривается ее антипод и наоборот. Размышляя о специфике души России, Н.А. Бердяев справедливо замечает: «Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов? И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о ее странничестве и ее неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоєм, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины» [9].

Итак, НС КПП А. Башлачева начинает формироваться на закате советской эпохи, в пространстве «героических восьмидесятых» [10. С. 19], которые сам поэт называл «временем колокольчиков» [11]. Это время расцвета русской рок-культуры, частью которой и является А. Башлачев. Однако при выборе отправной точки моделирования своей КПП поэт в большей степени ориентируется не на западные музыкально-поэтические песенные образцы, а обращается к русской поэтической традиции XIX–XX вв., а именно к КПП

А.С. Пушкина, С. Есенина, А. Блока, В. Высоцкого и др. Важно, что А. Башлачев не просто копирует (заимствует) отдельные фрагменты КПП названных выше поэтов, а стремится переосмыслить содержание их творческих концепций и создать свою оригинальную КПП. Другими словами, он пытается найти новую, «свою», особую форму выражения, почувствовать голос своей души. Вот как А. Башлачев характеризует рок-движение 1980-х гг.: «Мы путаемся в рукавах чужой формы. Уже десять лет, двадцать лет, и боюсь, что дальше так будет продолжаться. То содержание, та самая жизнь, о которой мы говорим, которая на улице, которую из окна видно, проходит мимо... Или она принимает такие комические формы... Карикатурным образом в текстах... Я подхожу к музыке, безусловно, с литературной точки зрения, с точки зрения идеи, цели, прежде всего» [12. С. 382].

Поэт понимает, что особую форму, обретение которой позволило бы ему максимально точно и полно передать голос времени, необходимо искать в пространстве русской национальной культуры. В результате чего ключевым системообразующим компонентом всей его КПП становится иррационально-«корневое» (русское национальное) начало: «Я полагаю, что мы сможем найти свои формы. Главное – понять свое содержание. У нас богатая литература, богатая поэзия <...> Я полагаю, что нужно... на корнях... Нужно корни немножечко почистить и из них исходить <...> На самом деле, частушка и рок-н-ролл – я просто слышу, насколько они близки. Когда я слушаю Боба Дилана, я слышу в нем русскую песню. И не только русскую народную песню, я просто вижу в нем корень и вижу, что это от корня идет! Почему негритянская музыка нам так близка, мы же никогда не были в Африке?.. Но тем не менее мы чувствуем, что это естество, что это не искусство, что это не придумано» [Там же. С. 389–390].

Действительно, А. Башлачев остается верен себе. Это подтверждается следующими фактами. Во-первых, поэт во время концертных выступлений постоянно использовал специфический музыкальный инструмент – браслет с колокольчиками, который придавал его песням особую русскую национальную исповедально-трагическую тональность. Во-вторых, в поэтических текстах А. Башлачева встречается масса русских национальных концептуальных кодов самой разнообразной конфигурации: от отдельных образов, например «русский колокольчик» («Эй, братва, чуete печенками / Грозный смех русских колокольчиков» [11. С. 53]; «Когда пою, когда дышу, любви меняю кольца, / Я на груди своей ноши три звонких колокольца. / Они ведут меня вперед и ведают дорожку. / Сработал их под Новый Год знакомый мастер Прошка» [13. С. 128]), до использования в своих произведениях отдельных жанровых песенных, частушечных форм стиха: «Хошь в ад, хошь – в рай, / Куда хочешь – выбирай. / Да нету рая, нету ада, / Никуда теперь не надо. / Вот так штука, вот так номер! / Дата, подпись и печать, / И живи, пока не помер – / По закону отвечать» [14. С. 118–119].

Движение от искусственных форм выражения своей души в сторону «корневого» естества определяет особую иррациональность НС КПП А. Башлачева. Вероятно, это одно из глубинных свойств русского самосознания, когда сквозь рациональные (когнитивные) интенции личности «пробивается» иррациональное (стихийно-эмоциональное) начало, основанное, прежде всего, на просветленной / слепой вере, а «верит в Россию каждый по-

своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры» [9].

Отметим, что на первый взгляд логоцентрическая [15] НС КПП А. Башлачева иррационально-«корневого» типа выглядит как целостная, лишенная духовных противоречий программа. Однако на самом деле преодоление внутренней антонимии иллюзорно. Это очень четко прослеживается на уровне различных подсистем КПУ. Рассмотрим специфику каждой когнитивной подсистемы более подробно.

Подсистема целевых КПУ. Прежде всего отметим, что в рамках моделирования НС КПП иррационально-«корневого» типа цель (система целевых КПУ) – это, «во-первых, когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания / самосознания; во-вторых, свойственная каждой личности “первопотребность”, трансформация которой определяет специфику когнитивного роста человека» [3. С. 101]. С уверенностью можно говорить о том, что ключевой, фундаментальной КПУ КПП А. Башлачева является *стремление всеми доступными средствами найти, почувствовать, удержать и сохранить в своей душе Свет*, который является не только источником вдохновения, творческого поэтического дара, но и особым проводником души поэта, в котором сконцентрированы его жизненная энергия и сила. В беседе с Б. Юханановым А. Башлачев прямо говорит об этом: «*Б.Ю.: Ты как-то очень слышишь Свет. Это такое счастье, связанное с тем... А.Б.: Но этого нужно добиться, это не дается само! Это никому не дается само! Кому-то, может быть, легче, кто-то быстрее проходит такой путь в своей жизни, кто-то – медленнее <...> Б.Ю.: Ты уверен в том, что ты его удержишь? А.Б.: Конечно! Я, естественно, удержу его в своих руках! Потому что я только этим и занимаюсь, и все мои песни, все мои поступки направлены только на то, чтобы удерживать его! И они с каждым днем должны быть все более сильными, чтобы его удерживать. Тут не проедешь налегке да с пустым разговором» [12. С. 408].*

Возникает ощущение, что выбранная (раз и навсегда) А. Башлачевым цель, определяющая общий вектор и специфику моделирования всей КПП, является максимально целостной, стабильной и устойчивой. Однако необходимо обратить внимание на один важный момент. В том же самом интервью поэт неоднократно говорит о том, что он возвращается к вопросу постановки ключевой цели (к вопросу, зачем он позволил своей душе говорить открыто – в голос) [Там же. С. 404–405] *постоянно*, и это требует все больше и больше духовных сил.

Подобная ситуация может интерпретироваться двояко. С одной стороны, многократное возвращение к «главному» вопросу может рассматриваться как попытка избежать малейшего отклонения от выбранного целевого направления. С другой – эта ситуация может быть обусловлена тем, что сама целевая интенция, имеющая стихийную, иррациональную природу, продолжает постоянно трансформироваться, видоизменяться независимо от воли генератора КПП. Ее содержание то проясняется, становясь близким, доступным и понятным, то затемняется, расслаивается и фиксируется в сознании поэта в форме недоступных для понимания хаотичных иррациональных эмоциональных импульсов.

Другими словами, целевой вектор КПП А. Башлачева представляет собой прерывистую, полициклическую двухфазовую структуру, сущность кото-

рой определяется нелинейным движением с многократным повторением одного и того же цикла: от стадии конкретизации целевой установки (первая фаза) к стадии повышения степени ее абстрактности (вторая фаза). Здесь же заметим, что ситуация целевой разбалансировки неоднократно фиксируется и на уровне поэтических текстов. Приведем несколько характерных примеров: «Позабыв, откуда, скачем кто куда...» [16. С. 73]; «Что ж теперь / Ходим круг да около / На своем поле, / Как подпольщики? <...> Зазвенит сердце под рубашкою. / Второпях врассыпную вороны. / Эй, выводи коренных с пристяжкой, / И рванем на четыре стороны» [11. С. 53]. Из этих цитат становится понятно, что целевой вектор, определяющий направление духовного развития поэта, нестабилен. Даже зная, куда (в какую сторону) он должен двигаться, он не может преодолеть противоречивость (разнонаправленность) своего генетического (русского) кода.

Подсистема самоидентификационных КПУ. В процессе самоидентификации (комплексе последовательных когнитивно-ментальных, аналитических, идентификационных, познавательных, эмоционально-инстинктивных, интерпретационных, креативных, аксиологических (оценочных) и других операций личности (субъекта-источника (генератора КПП) – субъекта интерпретатора), направленного на поиск своего «сущностного я»), в рамках моделирования НС КПП А. Башлачева формируется специфическая система самоидентификационных инкарнаций (СИ) (ментально-когнитивных (частотных / единичных) субъектных проекций «сущностного я» генератора КПП, заимствованных из различных сегментов полидискурсивного социокультурного пространства, актуализированных (в «традиционной» / модернизированной форме) на определенном этапе / нескольких этапах моделирования КПП) и система самоидентификационных маркеров (СМ) (группы взаимосвязанных, динамичных, трансформирующихся специфических концептуальных подсистем, состоящих из комплекса частных когнитивных (визуальных, аудиальных, вербальных и некоторых других) элементов («деталей»), встроенных и закрепленных в структуре одной / нескольких самоидентификационных инкарнаций и фиксирующих ситуацию актуализации СИ в различных семиотических зонах и на различных этапах моделирования КПП).

Ключевой, определяющей специфику «сущностного я» А. Башлачева является СИ «поэт». Приведем одну характерную цитату: «На Второй Мировой поэзии / Призван годным и рядовым» [17. С. 114]. Причем концептуальное содержание данной СИ полностью соотносится с традиционными представлениями о поэте, сложившимися в пространстве русской культуры. Особое внимание следует обратить на то, что все основные свойства и характеристики СИ «поэт» в пространстве НС КПП А. Башлачева имеют особую, двойную, концептуальную конструктивно-деструктивную кодировку. Приведем несколько конкретных примеров.

Первой характеристикой «сущностного я» поэта-Башлачева является *честность* (перед самим собой, своим призванием, перед людьми и миром, в котором он живет): «Я дышу и душу не душу. Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, стараюсь не предать любовь» [12. С. 396]. Одновременно с этим в поэтических текстах появляется специфическая СИ, прямо противоречащая данной установке: «Вдоль стены бетонной – ветерки степные. / Мы тоске зеленой – племяши родные. / Нищие гурманы, лживые сироты / Да го-

ре-атаманы из сопливой роты» [16. С. 74]. А. Башлачев, используя местоимение «мы», прямо называет себя и своих коллег (рок-музыкантов) «лживыми сиротами». Возникает парадоксальная ситуация: стремление к абсолютной честности оборачивается прямой констатацией осознанного самообмана. Однако в контексте иррационально-«корневых» интенций русского самосознания эта ситуация воспринимается как нечто естественное, генетически обусловленное. Категории «честность» и «ложь» в данном контексте просто невозможно идентифицировать, осмыслить на рациональном уровне. Их скорее нужно «переживать» как особые состояния, ощущать на эмоциональном уровне, где проявляется их двойственный, диалектический стихийный характер.

Второй характеристикой «сущностного я» поэта-Башлачева является *стремление жить любовью, так как она является основным источником жизненной и творческой энергии*. И вновь возникает двойственная ситуация. С одной стороны, любовь – это первооснова бытия, самая великая сила: «Любовь, скажем, как тональность. Если задать тональность “любовь”, взять некую ноту “любовь”, которая будет единственно верной и определяющей, то все, что вокруг нее, и будет жизнь, как вокруг той самой ноты будет музыка <...> Любовь – это определяющая сила, самая великая сила» [12. С. 395–396]. С другой – А. Башлачев прямо говорит о «еретическом», демоническом, деструктивном характере «русской любви»: «Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь. / Коротки причастия на Руси. / Не суди ты нас, а на Руси любовь / Испокон сродни всякой ереси. / Испокон сродни черной ереси» [18. С. 141–142]. В сознании поэта категория «любовь» наделена противоречивой конструктивно-деструктивной семантикой. Она и спасает душу поэта, и губит, разрушает ее: «Но я разгадан своей тетрадкой – / Топором меня в рот рубить! / Эх, вот так вот прижмет рогаткой – / И любить или не любить!» [17. С. 115]. Причем уравновесить, примирить позитивную и негативную стороны этого чувства невозможно. Любовь – это неподвластная, неконтролируемая стихия. Необходимо понимать, что для А. Башлачева как носителя русской корневой КПП важна не конкретная форма любви (любовь-страсть, любовь-страх, любовь-грех, любовь-благодать, любовь-ненависть и т.д.), а эффект растворения в ней. Любовь для него – это особая синкретическая протоформа всего, что составляет внутренний и внешний мир субъективированной реальности.

Третьей характеристикой «сущностного я» поэта-Башлачева является *стремление к внутренней (духовной) свободе*: «Долго шли зноем и морозами. / Всё снесли и остались вольными. / Жрали снег с кашею березовой / И росли ровень с колокольнями» [11. С. 53]. Но и в этом случае позитивная семантика понятия «свобода» дестабилизируется и приобретает некий деструктивный оттенок. Дело в том, что свобода в рамках НС КПП А. Башлачева и русского самосознания в целом – это воля, которая имеет две основные, как правило, искаженные, формы выражения. При этом каждая форма свободы органически связана с особым аффективно-естественным состоянием русской души.

Первая форма русской свободы может быть определена как *воля к рабству*: «Мертвякам припарки – как живым медали. / Только и подарков – то, что не отняли. / Нашим или вашим – липкие стаканы. / Вслед крестами машут сонные курганы» [16. С. 74]. Через эту форму проявляются такие свойства русского характера, как пассивность, терпение, смирение, покорность, слабость, сопровождающиеся беспробудным пьянством: «Ставили артелью –

замело метелью. / Водки на неделю – да на год похмелья. / Штопали на теле. К ребрам пришивали. / Ровно год потели да ровно час жевали» [16. С. 73]; «А он рукою за телогрейку... / А за душою – да ни копейки! / Вот то-то вони из грязной плоти: / – Он в водке тонет, а сам не плотит!» [14. С. 121]. Действительно, русский человек начинает ощущать острую нехватку (необходимость) свободы только тогда, когда он попадает в некое пограничное, критическое положение тотального контроля: «Пососали лапу – поскрипим лаптями. / К свету – по этапу. К счастью – под плетями. / Веселей, вагоны! Пляс да перезвоны...» [16. С. 73]. Мы видим, что движение к свету (ключевая целевая КПУ А. Башлачева), к счастью, парадоксальным образом не просто сравнивается, а отождествляется с этапированием заключенных, которых чья-то злая воля плетями гонит в неизвестность, а перезвоны русских колокольчиков сливаются со звоном (скрежетом) цепей и кандалов.

Вторая форма русской свободы, в интерпретации А. Башлачева, – *воля к бунту*. Эта форма связана с такими свойствами русского характера, как стремление к саморазрушению, бесконтрольность, широта души, удаль, безрассудство и бесшабашность, переходящая в беспамятство и безумие: «Шальное сердце руби в крошку! / Рассыпь, гармошка! / Скользи, дорожка! / Рассыпь, гармошка! / Да к плясу ноги! А кровь играет! / Душа дороги не разбирает! / Через сугробы, через ухабы... / Молитесь, девки. Ложитесь, бабы. / Ложись, кобылы! Умри, старуха! / В Ванюхе силы! Гуляй, Ванюха! / Танцуй от печки! / Ходи вприсядку! / Рвани уздечки! И душу – в пятаку! / Кто жив, тот знает. Такое дело. / Духа гуляет – заносит тело» [14. С. 118].

Поистине страшен беспредельный и бессмысленный бунт русской души, возникающий внезапно, охватывающий всё вокруг и так же внезапно исчезающий. Подчеркнем, что в сознании А. Башлачева обе представленные формы свободы (и воля к рабству, и воля к бунту) сливаются в единое целое и выражаются в виде особой концептуальной формулы, определяющей динамику развития НС КПП иррационально-«корневого» типа: «Гуляй, собака, живой покуда! / Из песни – в драку! От драки к чуду» [Там же. С. 117]. Становится понятно, что русское Чудо, являющееся своеобразной квинтэссенцией исканий русского самосознания, зарождается на базе соединения (примирения) несоединимого (непримиримого), на стыке рабства, покорности, смирения и бунта; христианской веры, молитвы и хулы («Век жуем матюги с молитвами» [11. С. 54]); жестокости и добродетели, ненависти и прощения.

Всё это указывает на естественность и закономерность того, что ключевая СИ «поэт» наделяется двойственной природой: «Но кто-то зевнул, отвернулся и разом уснул. / Разом уснул и поэтому враз развязалось / – Эй, завяжи! – кто-то тихо на ухо шепнул. / Перекрестись, если это опять показалось» [19. С. 110]. Поэт постоянно ощущает рядом с собой присутствие некой сущности, потусторонней силы, которая пытается контролировать и направлять его. Он неоднократно слышит ее голос («опять показалось»). Возможно, это его двойник, alter ego, мифический «черный человек», преследовавший А.С. Пушкина, С. Есенина, В. Высоцкого и других поэтов. Однако стоит обратить внимание на то, что эта сила не подавляет, не разрушает сознание поэта. Голос произносит только одно слово «завяжи», что может интерпретироваться как «соберись с силами, отдохни и продолжай двигаться к своей цели»: «Вот покурим, споем и приступим. / Снова пойдем» [Там же].

Скорее всего в данном контексте речь идет не о «черном человеке» в классической интерпретации этого образа, а об особой форме субъектного двойничества, характерного, прежде всего, для носителей русского самосознания. Его специфику достаточно четко определил Б. Гребенщиков, который называет этого двойника «скорбцом»: «Я спрашивал у матери, я мучил отца / Вопросом – как мне уйти от моего скорбца? / Потом меня прижал в углу херувим, / Сказал – без скорбца ты здесь не будешь своим. / С тех пор я стал цыганом, / Сам себе пастух и сам дверь. / И я молюсь, как могу, / Чтобы мир сошел вам в души теперь» [20]. Очевидно, «скорбец» – это особая конструктивно-деструктивная синтетическая проекция русского «корневого» начала, сформировавшаяся и закрепленная в сознании каждого носителя русской НС КПП. Причем специфическая поляризованная энергия этой невидимой, но ощущаемой субъектной субстанции предопределяет ее двойственность и антонимичность.

Подсистема инструментальных КПУ. На уровне моделирования КПУ инструментального типа, представляющих собой *некий когнитивный проект (план реальных / потенциальных, внутренних (духовных) / внешних (социально обусловленных) действий) субъекта-источника, направленный на успешную реализацию одной / нескольких стратегических целей КПП*, активизируются те же самые процессы. Рассмотрим конкретный пример.

Сущность одной из центральных, системообразующих инструментальных КПУ КПП А. Башлачева можно определить так: *поэт должен подтвердить, оправдать свой жизнью / смертью каждое написанное слово: «Это то же самое, что я говорю: надо прожить песню!»* [12. С. 408]. На наш взгляд, принцип «проживания» поэтического текста представляется А. Башлачеву оптимальным по двум причинам. Во-первых, он позволяет обеспечить целостность, неразрывное единство «творческой» и «реальной» биографии поэта и человека А. Башлачева. Во-вторых – преодолеть пустоту искусственных форм выражения, блокируя все «спекулятивные» импульсы, и перейти на качественно новый уровень понимания смысла творчества и человеческого существования в целом, основанного на принципах движения от искусства к естеству.

Однако и здесь иррациональное начало побеждает. Вновь поэту не удастся избежать двойственности. В одном из стихотворений появляются такие строки: «И можно песенку прожить иначе, / Можно ниточку оборвать. / Только вырастет новый мальчик / За меня, гада, воевать» [17. С. 114]. На наш взгляд, в этом фрагменте фиксируется один из основных принципов моделирования иррационально-«корневой» русской КПП. Его сущность состоит в том, что не сознание поэта управляет «корневыми» элементами его собственной программы, а система стихийных «корневых» кодов, таких как русская любовь, русская свобода, русская тоска и т.д., полностью контролирует его сознание. Именно поэтому в тексте появляются указания на возможную нейтрализацию ключевой инструментальной КПУ поэта.

Принципиально то, что НС КПП обладает достаточно высокой степенью устойчивости и развивается по кольцевой, полициклической модели, поэтому дестабилизация одной / нескольких инструментальных КПУ не приведет к разрушению самой программы («вырастет новый мальчик...»).

Нейтрализация КПУ отражается, прежде всего, на духовном / физическом состоянии конкретного субъекта-источника. Возможны два основных

варианта: а) глубокий духовный кризис; б) физическая смерть. Именно это и случилось с А. Башлачевым, который в феврале 1988 г. покончил жизнь самоубийством.

Система оценочно-результативных КПУ. На завершающем этапе моделирования своей КПП А. Башлачев, предвидя свою смерть («Поэты идут до конца. И не смейте кричать им: – Не надо! / Ведь Бог... Он не врет, разбивая свои зеркала. / И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада / Глядят ему в рот, разбегаюсь калибром ствола» [21. С. 127]) и суммируя свой когнитивно-ментальный опыт, приходит к пониманию того, что противоречивость русской души (русского самосознания) невозможно преодолеть – это и есть ее «естество». Исходя из этого, он формулирует основной принцип русской НС КПП: «Ставили на чудо – выпала беда» [16. С. 73]. Другими словами, каждый, кто надеется на «чудо», должен быть готов встретиться с «бедой», потому что в рамках этой когнитивно-концептуальной системы координат они друг от друга неотделимы.

Итак, подведем некоторые итоги. НС КПП – это коллективная / индивидуальная ментально-когнитивная система сознания, состоящая из специфических функциональных единиц, концептуальных кодов разных типов и форм (образов, представлений, установок (целевых, самоидентификационных, инструментальных и оценочно-результативных)) и ментальных операций, синтезирующих в себе сознательные и бессознательные интенции личности. Она занимает особое положение в типологии КПП, так как предопределяет специфику процесса формирования базовых духовных и идеологических платформ личности.

НС КПП А. Башлачева «Истинный национальный поэт» начинает формироваться в пространстве русской рок-культуры, но в большей степени ориентирована на русскую поэтическую традицию XIX–XX вв., переосмысление которой позволяет А. Башлачеву найти новую, «свою», «естественную» форму выражения, почувствовать голос своей души.

Базовым компонентом моделирования НС КПП А. Башлачева является русское «корневое» стихийно-эмоциональное начало, что придает ей особую иррациональность, лежащую в основе русского самосознания и основанную на просветленной / слепой вере человека в «чудо».

Еще одной сущностной характеристикой русской НС КПП является своеобразная двойственность, определяющая её диалектическую (антонимическую) природу, в основе которой лежит принцип единства и борьбы противоположных начал. Это проявляется на всех уровнях и этапах моделирования КПП.

Кроме того, НС КПП обладает достаточно высокой степенью устойчивости и развивается по кольцевой, полициклической модели. Причем не сознание поэта управляет «корневыми» элементами его собственной программы, а система стихийных «корневых» кодов (*русская любовь*: любовь-страх, любовь-ненависть, любовь-страсть; *русская свобода*: воля к рабству, воля к бунту; *русская тоска* и т.д.) полностью контролирует его сознание.

Литература

1. Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 75–90.

2. Иванов Д.И. Когнитивно-прагматическая программа синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 12(66): в 4 ч. Ч. 2. С. 107–111.

3. Иванов Д.И. Особенности моделирования системы целевых когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности: общие вопросы // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 12-1(78). С. 86–90.

4. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново : ПресСто, 2017. 336 с.

5. Иванов Д.И. Синтетическая языковая личность в русской рок-культуре: генезис, типология, структура, межкультурные связи. Иваново : ПресСто, 2016. 384 с.

6. Иванов Д.И. Теория синтетической языковой личности: в 2 т. / Гуандунский ун-т международ. исследований (Китай), Guangdong University of Foreign Studies (People's Republic of China). Т. 1 : Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). Иваново : ПресСто, 2016. 360 с.

7. Иванов Д.И. Общие принципы моделирования когнитивно-прагматической программы синтетической языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(71): в 3 ч. Ч. 1. С. 97–100.

8. Доманский Ю.В. «Тексты смерти» русского рока : пособие к спецсеминару. Тверь : ТвГУ, 2000. 109 с.

9. Бердыев Н. Душа России // Судьба России : сборник статей (1914–1917) [Электронный ресурс]. URL: http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf (дата обращения: 27.10.2017).

10. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. № 1. С. 5–33.

11. Башлачев А. Время колокольчиков // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 52–55.

12. Башлачев А. Интервью Борису Юхананову и Алексею Шипенко для спектакля «Наблюдатель» // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 381–417.

13. Башлачев А. Случай в Сибири // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 128–130.

14. Башлачев А. Ванюша // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 116–123.

15. Иванов Д.И. Типологические особенности когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в русской рок-культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 4. С. 100–105.

16. Башлачев А. Лихо / Прелюдия // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 72–74.

17. Башлачев А. В чистом поле – дожди... // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 114–116.

18. Башлачев А. Вечный пост. Прелюдия // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 141–142.

19. Башлачев А. Перекур // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 109–110.

20. Гребенщиков Б. Скорбец [Электронный ресурс]. URL: <http://teksty-pesenok.ru/gus-akvarium/tekst-pesni-skorbec/1725570/> (дата обращения: 28.10.2017).

21. Башлачев А. На жизнь поэтов // Наумов Л. Александр Башлачев. Человек поющий. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. С. 126–128.

Dmitry I. Ivanov, Guangdong University of Foreign Studies, Collaborative Innovation Centre for Language Research and Service (Guangzhou, PRC), Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation).

E-mail: Ivan610@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2019, 33, pp. 47–59.

DOI: 10.17223/22220836/33/4

THE SPECIFICITY OF A. BASHLACHEV'S RUSSIAN NATIONAL-DISTINCTIVE COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM: GENERAL POINTS

Keywords: cognitive-pragmatic program; cognitive-pragmatic setting; mentality; A. Bashlachev.

This article considers the system and complex analysis of A. Bashlachev's "True national poet" Russian National-Distinctive in terms of authorial linguoculturological theory of cognitive-pragmatic

program (CPP) modeling, which begins to be formed within the Russian rock-culture space but mostly oriented to Russian XIX–XX centuries poetic tradition. Furthermore, the reframe of that tradition allows A. Bashlachev to obtain a new “his own” “natural” form of expression, to feel the voice of his soul.

It has been stated that national-distinctive CPP is a cooperative/individual mental-cognitive consciousness system that consists of specific elementary, conceptual multi-type codes and forms (images, representations, settings (objective, self-identified, instrumental and evaluative)) and mental operations synthesizing conscious and unconscious personal intentions. It takes a specific place within the CPP typology as determines process of the ideological and moral personality platforms forming.

Furthermore, it was discovered that the basic component of A. Bashlachev’s national-distinctive CPP is the Russian “natural” spontaneous-emotional origin that enriches it with specific irrationality of the Russian self-comprehension based on blessed and implicit faith into “miracle”. The important attribute of national-distinctive CPP is so-called “duality” appointing its dialectic (antonymic) nature based on the law of the unity and struggle of opposites. It appears on every level and stages of poet’s CPP modeling. Russian national-distinctive CPP has a high resistance and cyclically develops. Moreover, not the poet’s consciousness manages the “natural” elements of his own program, but the system of spontaneous “natural” elements (Russian love: love-fear, love-hatred, love-passion; Russian will-power: the bondage of the will, will for riot, Russian melancholy etc.) controls his consciousness completely.

This research allows us to take a fresh look at the A. Bashlachev’s creative life and research its new dimensions.

References

1. Kosov, A.V. (2007) Mentality as outlook system and component of myth-consciousness. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 2(3). pp. 75–90. (In Russian).
2. Ivanov, D.I. (2016) Cognitive-pragmatic program of synthetic language personality: general issues. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12(2). pp. 107–111. (In Russian).
3. Ivanov, D.I. (2017) Peculiarities of modeling of the system of self-identification cognitive-pragmatic attitudes of a synthetic language personality: general theses. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12-1(78). pp. 86–90. (In Russian).
4. Ivanov, D.I. & Lakerbay, D.L. (2017) *Teoriya sub"ektivnosti teksta i russkaya poeziya XX veka* [The theory of subjectivity of the text and Russian poetry of the 20th century]. Ivanovo: PresSto.
5. Ivanov, D.I. (2016) *Sinteticheskaya yazykovaya lichnost' v russkoy rok-kul'ture: genezis, tipologiya, struktura, mezhkul'turnye svyazi* [Synthetic language personality in Russian rock culture: genesis, typology, structure, intercultural relations]. Ivanovo: PresSto.
6. Ivanov, D.I. (2016) *Teoriya sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: V 2 t.* [The Theory of Synthetic Language Personality: In 2 vols]. Ivanovo: PresSto.
7. Ivanov, D.I. (2017) General principles of modeling a cognitive-pragmatic program of a synthetic language personality. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 5-1(71). pp. 97–100. (In Russian).
8. Domanskiy, Yu.V. (2000) “*Teksty smerti*” russkogo roka: *Posobie k spetsseminaru* [“The texts of the death” in Russian rock: A guide for special seminar]. Tver: Tver State University.
9. Berdyayev, N. (n.d.) *Sud'ba Rossii. Sbornik statey (1914–1917)* [Fate of Russia. Collection of articles (1914–1917)]. [Online] Available from: http://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf. (Accessed: 27th October 2017).
10. Kormiltsev, I. & Surova, O. (1998) *Rok-poeziya v russkoy kul'ture: vzniknovenie, bytovanie, evolyutsiya* [Rock poetry in Russian culture: Emergence, existence, evolution]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*. 1. pp. 5–33.
11. Bashlachev, A. (2010a) *Vremya kolokol'chikov* [The time of bells]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 52–55.
12. Bashlachev, A. (2010b) *Interv'yu Borisu Yukhananovu i Alekseyu Shipenko dlya spektaklya “Nablyudatel”* [Interviews to Boris Yukhananov and Aleksey Shypenko for the play “Observer”]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 381–417.

13. Bashlachev, A. (2010c) Sluchay v Sibiri [A case in Siberia]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 128–130.
14. Bashlachev, A. (2010d) Vanyusha [Vanyusha]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 116–123.
15. Ivanov, D.I. (2016) The typological peculiarities of cognitive consciousness of a logocentric subject in the Russian rock-culture. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12-4(66). pp. 100–105. (In Russian).
16. Bashlachev, A. (2010e) Likho. Preludiya [Likho. Prelude]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 72–74.
17. Bashlachev, A. (2010f) V chistom pole – dozhdi... [Rains in the middle of nowhere]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 114–116.
18. Bashlachev, A. (2010g) Vechnyy post / Preludiya [Eternal Lent. Prelude]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 141–142.
19. Bashlachev, A. (2010h) Perekur [Smoke Break]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 109–110.
20. Grebenshchikov, B. (n.d.) *Skorbets* [Skorbets]. [Online] Available from: <http://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium/tekst-pesni-skorbec/1725570/>. (Accessed: 28th October 2017).
21. Bashlachev, A. (2010i) Na zhizn' poetov [On the life of poets]. In: Naumov, L. *Aleksandr Bashlachev. Chelovek poyushchiy* [Aleksandr Bashlachev. A man who sings]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora. pp. 126–128.